Однако его план держаться подальше от дороги провалился, так как люди заметили его, как только вошли во двор. Уже один тот факт, что он не просто собрал еду и ушел, сказал остальным, что Матео стало лучше. Но из-за отсутствия других новых новостей Брюс оказался загнанным в угол пятью другими врачами, которые хотели с ним поговорить.

Вопросы были бессмысленными и повторяющимися, Матео, возможно, не проявлял типичных симптомов, как все остальные больные тифом, но на антибиотики он реагировал одинаково. Но Брюс вежливо отвечал на их вопросы, пока не почувствовал, что пробыл здесь достаточно долго, чтобы вежливо откланяться.

Матео был там, где он его оставил, мирно спал. По правде говоря, Брюс знал, что мог бы побродить с остальными подольше, но просто не мог заставить себя. Они вдвоем годами были предоставлены сами себе, вынужденные общаться с пациентами только для того, чтобы лечить их. Жизнь с тридцатью другими людьми в непосредственной близости, без уединения и покоя, начинала действовать Брюсу на нервы.

Он был далек от того, чтобы потерять контроль над Другим Парнем, но Брюс знал, что это было ошибкой, когда он принял предложение присоединиться к врачам. Болезнь Матео была еще одним свидетельством того, насколько ошибочным было это решение. За все время их путешествий ребенок ни разу серьезно не болел, и Брюс чувствовал себя невероятно виноватым за то, что привел их в ситуацию, которая пробилась сквозь защиту ребенка.

"Ты опять слишком много думаешь", - хриплый шепот прорвался сквозь мысли Брюса.

"Приветик", - Брюс улыбнулся усталым зеленым глазам, которые смотрели на него. "Как ты себя чувствуешь?"

"Как будто я пытался добежать до вершины самой высокой пирамиды, а потом спрыгнул", - простонал Матео и смочил губы. "И вкус такой, будто что-то заползло мне в рот, чтобы умереть".

"Ну, второе мы сейчас легко исправим, а с достаточным количеством сна ты быстро восстановишься", - облегченная улыбка Брюса не успела угаснуть, как он уже суетился, чтобы устроить ребенка поудобнее.

В течение следующих нескольких дней Брюс не вспоминал ни о каких бреднях, которые он слышал, пока Матео болел, ребенок, похоже, ничего не помнил. По крайней мере, он был гораздо больше озабочен тем, как бы выпроводить его из постели, когда он перестал подавать признаки болезни. Однако Брюс остался при своем мнении и сумел удержать Матео в постели, постоянно занимая его ум школьными занятиями и рассказами.

После трех дней постельного режима Брюс разрешил Матео вставать и бродить по общежитию и частному двору, где они обедали. Сначала Матео бурчал по поводу ограничений его свободы, но когда он смог дойти только до внутреннего двора, то понял, насколько реалистичен Брюс, и быстро замолчал.

Однако через неделю он уже был достаточно здоров, чтобы присоединиться ко всем во дворе за ужином, и Матео был рад вернуться к нормальной жизни. Большинство людей, казалось, были почти равнодушны к его появлению, не считая радости от того, что ему стало лучше. Однако Джон постарался найти его и сел рядом с ребенком, пока они ели. Матео сразу же начал учить новые слова, а Брюс, слушая урок, улыбался выходкам сына.

Хотя у некоторых людей были солнечные зарядные устройства для спутниковых телефонов, связь с внешним миром была очень слабой. Большинство звонков было адресовано ответственным организациям или близлежащим больницам для получения поставок или помощи. Поэтому нередко в группах объявлялись новости, которые были интересны всем.

"Ребята, мне позвонили из дома", - позвал Кристиан, когда появился во дворе.

Тон его голоса привлек их внимание, и наступила тревожная тишина, после чего снова послышались негромкие разговоры. Хотя многие люди начали беспокойно бормотать, первой заговорила самая молодая врач в группе, двадцатипятилетняя англичанка. "Что-то случилось?"

"В Непале наводнение, но ничего серьезного не случилось ни с одной из наших семей. Я хотел сказать, что, скорее всего, приедет репортер и проведет с нами время, чтобы повысить осведомленность о ситуации здесь", - быстро объяснил Кристиан.

Похоже, большинство людей согласились с этой идеей, а те, кто напрягся, тут же расслабились. Очевидно, это было общепринятое мнение, что людям дома обидно, что они не знают и не заботятся о страданиях, происходящих в других местах. Поэтому подробный газетный репортаж или, возможно, документальный фильм - именно то, что нужно, чтобы поднять тревогу.

Брюс старался скрыть внезапный всплеск беспокойства, и вместо того, чтобы действовать, он повернулся к другим врачам поблизости и присоединился к их разговору. Однако на самом деле он просто хотел схватить Матео и их вещи и отправиться прямо сейчас.

"Брюс, можно тебя на пару слов?" Голос Кристиана доносился со стороны общежития.

Американцу пришлось заставить свой пульс замедлиться, когда он повернулся, чтобы направиться к немцу. Хотя он контролировал ситуацию, не хотелось, чтобы другой человек сказал что-то не то и рисковал тем, что Другой Парень выйдет наружу. Кристиан прислонился к дверной раме, и Брюс прошел мимо него, чтобы их разговор был более приватным.

"Меня всегда удивляет, как мало СМИ освещают подобные события", - нейтрально начал Кристиан.

"Рассказы о беженцах и нищете не очень-то вяжутся с капиталистической идеей, что мир улучшается", - цинично заметил Брюс. Но затем он перевел дыхание и попытался говорить своим обычным мягким тоном: "Была ли какая-то особая причина, по которой вы попросили

поговорить со мной?"

"Поскольку наводнение и оползни в Непале довольно серьезные, организация направляет в страну спасателей и помощь", - сказал Кристиан.

"И?" спросил Брюс, как только стало казаться, что мужчина не собирается продолжать.

"В Найроби прилетает самолет с гуманитарной помощью, чтобы передать нам припасы перед отправкой в Непал. Если вы хотите улететь, есть свободные места, и вы не обязаны помогать Непалу, когда приземлитесь", - пояснил Кристиан.

"Если вы сможете организовать для нас перелет туда, это было бы замечательно, я действительно не думаю, что Матео здесь нравится", - сказал Брюс, не обращая внимания на собственный дискомфорт.

"Судя по его рассказам о том, что вы сделали в Индии, было бы жаль держать вас там, мы можем быть заняты здесь, но мы выживем и без вашей помощи и помощи ваших маленьких переводчиков", - обнадеживающе сказал Кристиан. "Кроме того, я знаю, что ты захочешь быть подальше от репортера, когда они будут здесь. Прятаться в течение месяца будет не очень продуктивно".

"Почему я должен прятаться от репортера?" Брюс постарался сохранить спокойствие, отвечая.

"У меня есть подруга, которая жила в Гарлеме, и в итоге я смотрел много телевизора, когда пытался выяснить, все ли с ней в порядке", - сказал Кристиан.

"И ты никому не рассказывал обо мне?" - задал вопрос Брюс и начал немного паниковать.

"Конечно, нет, во-первых, кто мне поверит, что мягкий воспитанный человек с милым ребенком на самом деле буйный голиаф? Во-вторых, очевидно, что вы пытаетесь избавиться от чувства вины за случившееся. Кто я такой, чтобы останавливать вас? Однако я не знаю, будет ли человек, который придет, чувствовать то же самое. Именно поэтому я даю вам возможность выбраться отсюда", - сказал немец с ободряющей улыбкой.

"Спасибо, Кристиан, за все. Пойду расскажу новости Матео", - Брюс не стал терять времени и поспешил на поиски своего ребенка.

События в Непале развивались быстро, Матео и Брюс едва успели свыкнуться с мыслью о том, что им предстоит уехать. Хотя все с самого начала знали, что в конечном итоге они отправятся в Индию, некоторые, казалось, не одобряли их отъезд. Но Брюс не обращал на них внимания, предпочитая попрощаться с теми, кого они считали друзьями.

Матео, конечно, больше всего расстроился из-за отъезда Джона, так как этот человек, похоже,

оказал влияние на ребенка. Лингвист старался развлекать мальчика в течение первых двух недель, когда он был рядом, и был одним из самых искренних людей, спрашивающих о его здоровье в ту неделю, когда он был болен. Матео не мог точно пообещать, что будет поддерживать связь, но Брюс заметил, как в какой-то момент он заправил клочок бумаги в свой блокнот для набросков.

Через два дня после объявления Брюс и Матео поднялись в то же время, что и остальные, но были вынуждены спешить, чтобы успеть выполнить свои утренние ритуалы. Для доставки пары в аэропорт был реквизирован очень потрепанный фургон, а водитель не говорил по-английски. Однако благодаря лингвистическим способностям Матео они смогли примерно поддерживать разговор.

Дороги были невероятно ухабистыми, а фургон, похоже, никогда не слышал о подвеске, поэтому, когда через три часа они остановились на отдых, их изрядно укачало. Брюс двигался как человек вдвое старше себя, когда, пошатываясь, вышел из фургона, чтобы размять ноги. Матео просто скакал вокруг с избытком энергии, которая всегда присуща детям, и с удовольствием исследовал местность, в которой они остановились. Это место вряд ли можно было назвать чем-то большим, чем просто привал у дороги, а засуха превратила большую часть сельской местности в бурую пустошь. Однако Матео как-то находил, чем себя развлечь, пока водитель не свистнул, чтобы они снова отправлялись в путь.

После шести часов пути Брюс практически вывалился из фургона на асфальт в аэропорту. У них было десять минут, чтобы успеть на самолет, поэтому Брюс быстро схватил их сумки и быстрым шагом направился к входным воротам. Кристиан дал им пропуск, которым Брюс помахал охранникам, прежде чем пройти через ворота, а Матео рысил за ним по пятам.

Огромный грузовой самолет был припаркован у края взлетно-посадочной полосы, его бледная окраска сильно контрастировала с аэропортом. Сбоку стояло несколько больших ящиков, но, похоже, большая часть трюма все еще была забита подходящими ящиками.

"Брюс и Матео Джонсон?" - крикнул мужчина в флуоресцентной куртке, перекрывая шум машин и двигателей.

"Это мы", - крикнул в ответ Брюс.

"Вы как раз вовремя, мы вылетаем через пять минут. Я провожу вас к вашим местам", - мужчина начал идти, не ожидая, что за ним последуют. "Это не будет гламурная поездка, но мы будем там через десять часов".

"Мы справимся, путешествие по воде займет гораздо больше времени", - ответил Брюс.

Их сиденья действительно были далеко не шикарными, это были металлические ковшеобразные сиденья, встроенные в стенки грузового отсека. Брюс быстро схватил свое одеяло и бросил его на сиденья, чтобы сделать их более удобными, прежде чем он и его сын сели. Летчик показал им обоим, как закрепить ремни безопасности, после чего снова ушел,

чтобы закончить предполетную подготовку.

"Это будет не очень приятно, не так ли?" Матео продемонстрировал свою проницательность.

"Это может быть немного грубо и немного скучно, но это не может быть хуже, чем плавание, не так ли?" заметил Брюс.

Матео задрожал от этой мысли и просто сидел на своем месте, нервно покачивая ногами, ожидая, когда самолет взлетит.

Когда спустя чуть менее пяти минут это произошло, Брюс протянул Матео руку, чтобы тот мог ухватиться за нее, когда грохот усилился, и они с грохотом опустились на взлетную полосу. Сначала ребенок был довольно напуган тем, что самолет находится в воздухе, но когда они выровнялись и грохот утих, он снова успокоился.

Поскольку смотреть или делать было практически нечего, они оставались на своих местах в течение всего полета, оба с книгами в руках, чтобы отвлечься. Им повезло, что они не столкнулись с турбулентностью, и Матео вскоре забыл, что они находятся на высоте тысячи футов над землей. Для него это ничем не отличалось от долгого сидения в большой консервной банке.

Посадка в Непале была немного более жесткой, чем взлет. Бури, вызвавшие наводнения и оползни, к моменту прилета уменьшились до продолжительного дождя. Поэтому посадка была мокрой и немного нервной, но Мате мужественно сохранял спокойствие.

Тот же летчик в флуоресцентной куртке, который проводил их до места, подошел открыть трап и позволил им выйти из самолета. Брюс вежливо поблагодарил его за помощь, после чего они с сыном вышли на асфальт и направились прочь от самолета.

Ни один из них не сказал об этом, но по мере того, как они ехали на запад от аэропорта в задней части фермерской тележки, они оба чувствовали облегчение от того, что вернулись среди слабо знакомой обстановки. Матео был рад вернуться в регион, который был ему хорошо знаком и понятен, а Брюс был рад снова остаться наедине со своим ребенком.

Дерево, которое я пыталась описать в сцене сна, было английским дубом (Quercus robur)

http://tl.rulate.ru/book/92386/2978243